

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

Агата
Кристи

Отель «Бертрам»

Мисс Марпл

Агата Кристи
Отель «Бертрам»

«ЭКСМО»

1965

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кристи А.

Отель «Бертрам» / А. Кристи — «Эксмо», 1965 — (Мисс Марпл)

ISBN 978-5-699-94660-0

Если уж несравненную мисс Марпл угораздило, бросив свой цветник, выбраться из дома и поселиться в отеле, пусть даже весьма респектабельном, там непременно произойдет преступление. Причем такое, что пожилой леди придется для раскрытия не только применить свою знаменитую логику, но и воспользоваться достижениями научно-технического прогресса.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-94660-0

© Кристи А., 1965
© Эксмо, 1965

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
I	28
II	31
III	33
IV	36
Глава 6	37
I	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Агата Кристи Отель «Бертрам»

Agatha Christie
At Bertram's Hotel

© Перевод на русский язык. Н. Х. Ибрагимова, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Посвящаю Гарри Смитту, потому что ценю его научный подход
к чтению моих книг*

Глава 1

В сердце Вест-Энда есть много тихих улочек, не известных почти никому, кроме шоферов такси, которые с большим мастерством лавируют по ним, добираясь до Парк-лейн, Баркли-сквер и Саут-Одли-стрит.

Если свернуть на одну неприметную улочку, идущую от парка, и раз или два повернуть налево и направо, то вы окажетесь на тихой улице, на правой стороне которой стоит отель «Бертрам». Отель «Бертрам» существует там очень давно. Во время войны были разрушены дома справа от него и немного дальше слева, но сам «Бертрам» уцелел. Конечно, он не избежал, как выразились бы агенты по продаже недвижимости, царапин, выбоин и отметин, но первоначальный облик был восстановлен путем вполне скромных затрат. К 1955-му здание выглядело точно так же, как в 1939-м: величавым, но неброским, дорогим, но без излишнего шика.

Таким был отель «Бертрам», в котором долгие годы останавливались высшие духовные особы, вдовствующие аристократки из загородных поместий, девушки, едущие домой на каникулы из дорогих частных школ. («В Лондоне так мало мест, где может остановиться девушка без сопровождения, но, разумеется, «Бертрам» – вполне подходящий отель. Мы уже много лет там останавливаемся».)

Конечно, раньше существовало много отелей, похожих на «Бертрам». Некоторые из них все еще сохранились, но почти всех коснулся ветер перемен. Они вынуждены были осовремениться, чтобы обслуживать клиентов иного рода. «Бертраму» тоже пришлось измениться, но это было сделано так умело, что на первый, поверхностный взгляд перемены не бросались в глаза.

Снаружи, на ступеньках, ведущих к большой маятниковой двери¹, стоял человек, поначалу казавшийся прямо-таки фельдмаршалом. Золотые галуны и орденские ленты украшали широкую, мужественную грудь. Человек с безупречной выправкой. Когда вы с трудом выбирались на пораженных ревматизмом ногах из такси или личного автомобиля, он встречал вас с нежной заботливостью и помогал войти в бесшумно распахивающуюся дверь.

Внутри, если это был ваш первый визит в «Бертрам», вы ощущали почти с тревогой, что попали в исчезнувший мир. Время повернуло вспять. Вы снова оказались в Англии короля Эдуарда².

Разумеется, в отеле имелось центральное отопление, но оно не бросалось в глаза. Как и всегда прежде, в просторной центральной гостиной были два великолепных камина, топившихся углем; рядом с ними большие латунные ведерки для угля сияли так же, как сияли раньше, когда эдвардианские горничные начищали их до блеска, и они были заполнены кусками угля нужного размера. Темно-красный бархат гостиной обеспечивал ощущение роскошной уюти. Кресла принадлежали другому времени, другой эпохе. Они были достаточно высокими, поэтому страдающим ревматизмом старым дамам не приходилось выглядеть неуклюжими, когда они пытались подняться на ноги. Сиденья, в отличие от столь многих современных дорогих кресел, не заканчивались на полпути между верхом бедра и коленом, чтобы не причинять неудобства страдающим от артрита и ишиаса. И модели кресел различались: тут были и прямые спинки, и наклонные, и разная ширина – для стройных и для тучных. Люди почти любых размеров могли найти в «Бертраме» удобное кресло.

¹ Дверь из двух створок, свободно открывающихся в обе стороны.

² Король Эдуард VII правил в 1901–1910 гг., однако эдвардианской эпохой, как правило, называется более длинный временной отрезок – до начала Первой мировой войны (1914).

Поскольку наступило время послеполуденного чая, в холле отеля собралось много народу. Нельзя сказать, что выпить чаю можно было только здесь. Существовал еще салон («ситцевая гостиная»); курительная комната (благодаря чьему-то скрытому влиянию зарезервированная только для джентльменов), где стояли огромные кресла, обитые тонкой кожей; два кабинета, куда можно было привести близкую подругу и уютно посплетничать в тихом уголке и даже написать письмо, если захочется. Кроме этих удобных помещений эдвардианской эпохи имелись и другие комнаты, которые широко не афишировали, но о которых знали те, кто хотел ими воспользоваться. Двойной бар обслуживали два бармена: американский, чтобы американцы чувствовали себя как дома, который подавал им бурбон, ржаной виски и всевозможные коктейли, – и английский, подававший шерри и «Пиммз № 1»³, а также способный со знанием дела побеседовать о забегах в Аскоте и Ньюбери с пожилыми джентльменами, приезжающими в «Бертрам» ради обсуждения серьезных скачек. Имелась также скрытая в дальнем конце коридора телевизионная комната для желающих.

Но любимым местом чаепития была большая гостиная в холле. Пожилые леди любили видеть тех, кто входит и выходит, узнавать старых друзей и отпускать критические замечания о том, как они постарели. Там сидели и гости из Америки, очарованные видом титулованных англичан, принимающихся за свой традиционный чай. Ибо послеполуденное чаепитие было отличительной особенностью отеля «Бертрам».

Это был без преувеличения великолепный ритуал. Руководил им Генри, крупный и величественный мужчина старше пятидесяти лет, доброжелательный, готовый услужить, но с манерами придворного – давно исчезнувшая порода идеального дворецкого. Всю работу выполняли стройные юноши под суровым руководством Генри. Чай подавали на больших, украшенных гербами серебряных подносах и в георгианских⁴ серебряных чайниках. Фарфор – если и не подлинные «Рокингэм» и «Дэвенпорт», то похожий. Особенно здесь предпочитали сервизы «Слепой граф»⁵. Чай был самых лучших сортов – индийский, цейлонский, дарджилинг, лапсанг и так далее. Что касается еды, здесь можно было попросить все, что угодно, – и получить!

В тот день, 17 ноября, леди Селина Хейзи, пожилая дама шестидесяти пяти лет, приехавшая из Лестершира, наслаждалась вкуснейшими, обильно смазанными маслом маффинами⁶ со всем восторгом, на который способна пожилая дама.

Но как она ни была увлечена маффинами, это не мешало ей вскидывать голову всякий раз, когда дверь впускала очередного гостя. Поэтому она улыбнулась и кивнула, приветствуя полковника Ласкомба – с военной выправкой и висящими на шее автомобильными очками. Будучи женщиной властной, она повелительным жестом подозвала его к себе, и через пару минут Ласкомб подошел.

– Приветствую, Селина. Что привело вас в центр города?

– Дантист, – ответила леди Селина довольно неразборчиво из-за маффина во рту. – И я подумала: раз уж я сюда приехала, то могу с тем же успехом сходить к тому доктору на Харли-стрит насчет своего артрита. Вы знаете, о ком я говорю.

³ Фруктовый коктейль на основе джина.

⁴ Георгианский стиль назван так по общему имени первых королей из Ганноверской династии, Георгов I–III, правивших друг за другом в 1714–1820 гг., и представляет собой вариант строгого классицизма, от норм которого стали отходить уже в эпоху Регентства (1811–1820).

⁵ Особый орнамент вустерского фарфора с характерным отчасти выпуклым изображением стебля розы, названный в честь ослепшего в 58 лет Дж. Уильяма, 6-го графа Ковентри (1722–1809), одного из законодателей мод в рамках георгианского стиля.

⁶ Английские булочки, которые имитируются в сэндвичах «Макдоналдс» под торговым названием «МакМаффин».

Хотя на Харли-стрит принимали несколько сотен модных частных врачей, лечащих всевозможные заболевания, Ласкомб действительно знал, о ком она говорит.

– И помогло? – спросил он.

– Думаю, скорее, да, – проворчала леди Селина. – Совершенно необычный доктор. Схватил меня за шею, когда я этого не ожидала, и свернул ее, как цыпленку. – Она осторожно покрутила шеей.

– Он сделал вам больно?

– Наверное, больно, когда так ее сворачивают, но я не успела понять. – Она продолжала осторожно шевелить шеей. – Кажется, все в порядке. В первый раз за много лет мне удастся посмотреть через правое плечо.

Леди Селина попробовала это сделать и воскликнула:

– О, кажется, это старушка Джейн Марпл! А я думала, она уже давно умерла. Выглядит лет на сто.

Полковник Ласкомб бросил взгляд в сторону воскресшей Джейн Марпл, но без особого интереса: в «Бертраме» всегда присутствовало небольшое количество дам, которых он называл «пушистыми старыми кошками».

Леди Селина между тем продолжала:

– Это единственное место в Лондоне, где еще можно поесть маффины. Настоящие маффины. Знаете, когда я ездила в Америку в прошлом году, у них там в меню завтрака значилось нечто *под названием* «маффины». Но это не настоящие маффины. Это нечто вроде кексов к чаю с изюмом⁷. Я вас спрашиваю, почему они называют их маффинами?

Она сунула в рот последний намащенный кусок и оглянувшись, ни на кого конкретно не глядя. Генри немедленно материализовался у столика. Не быстро и не торопливо. Казалось, что он просто вдруг очутился рядом.

– Я могу принести вам что-то еще, сударыня? Какой-нибудь кекс?

– Кекс? – Леди Селина задумалась, сомневаясь.

– У нас подают очень вкусные кексы с тмином, сударыня. Рекомендую.

– Кекс с тмином? Я уже много лет не ела кекса с тмином. Это *настоящий* кекс с тмином?

– О да, сударыня. Наш повар уже много лет печет их по этому рецепту. Вам понравится, я уверен.

Генри бросил взгляд на одного из своих подчиненных, и парень отправился за кексом с тмином.

– Полагаю, вы были в Ньюбери, Дерек?

– Да. Чертовски холодно. Я не стал ждать двух последних заездов. Неудачный день. Молодая кобылка Гарри никуда не годилась.

– Я от нее ничего и не ожидала. А как насчет Свонхильды?

– Пришла к финишу четвертой. – Ласкомб встал. – Надо позаботиться о номере.

Он пересек холл и подошел к стойке администратора, отмечая по дороге столики и тех, кто сидел за ними. Удивительно много людей пили здесь чай. Совсем как в прежние дни. После войны послеполуденный чай вышел из моды. Но явно не в отеле «Бертрам». Кто все эти люди? Два каноника и настоятель из Чизелхэмптона. Да, и еще одна пара ног в гетрах в углу, епископ. Не меньше! Простые викарии попадались редко. «Нужно быть по крайней мере каноником, чтобы позволить себе останавливаться в «Бертраме», – подумал он. – У рядовых священнослужителей, несомненно, на это не хватило бы денег. Кстати, как люди, подобные Селине Хейзи, могут себе это позволить? У нее в год остается, наверное, два пенса

⁷ Именно такую выпечку во всем мире по сей день прежде всего и называют маффинами.

на то, чтобы побаловать себя. А еще здесь леди Берри, и миссис Посселтуэйт из Сомерсета, и Сибил Керр – все бедны как церковные мыши...»

Размышляя об этом, он подошел к стойке, и администратор мисс Гориндж приветливо поздоровалась с ним. Мисс Гориндж была его старым другом. Она знала каждого из постояльцев и, подобно особе королевской крови, никогда не забывала лиц. Выглядела она старомодно, но респектабельно: желтоватые кудряшки на голове (предположительно сделанные при помощи бабушкиных щипцов), черное шелковое платье, высокий бюст, на котором покоились большой золотой лорнет и брошь-камея.

– Номер четырнадцать, – сказала мисс Гориндж. – Мне кажется, в прошлый раз вы жили в четырнадцатом номере, полковник Ласкомб, и он вам понравился. Там тихо.

– Как вам всегда удается запоминать такие вещи, представить себе не могу, мисс Гориндж.

– Мы любим устраивать своих старых друзей с удобствами.

– Приезжая сюда, я переносусь на много лет назад. Мне кажется, ничто не изменилось.

Ласкомб умолк, так как из внутреннего святилища вышел мистер Хамфрис, чтобы приветствовать его.

Непосвященные часто принимали мистера Хамфриса за самого мистера Бертрама. Кем был настоящий мистер Бертрам и существовал ли он в действительности – ответ на этот вопрос затерялся в тумане глубокой древности. Отель существовал примерно с 1840 года, но никто не проявлял интереса к изучению его истории. Он просто существовал, стоял как есть. Когда к мистеру Хамфрису обращались «мистер Бертрам», он никогда не старался развеять заблуждение. Если хотят, чтобы он был мистером Бертрамом, он им будет. Полковник Ласкомб знал его имя, однако не знал, является он управляющим или владельцем. И склонялся к последнему.

Мистеру Хамфрису было около пятидесяти. Он отличался очень хорошими манерами и повадками замминистра. В любой момент он мог стать кем угодно. Мог побеседовать о бегах, крикете, внешней политике, рассказать анекдоты о королевских особах, сообщить сведения о выставке автомобилей, знал, какие самые интересные пьесы идут сейчас в театрах, дать совет американцам, что им нужно увидеть в Англии за очень короткий срок. Он хорошо знал, где лучше пообедать человеку любого достатка и любых вкусов. И при этом не снисходил полностью. Он не был под рукой в любое время. В распоряжении мисс Гориндж имелись те же самые факты, и она готова была предоставить их постояльцам. Мистер Хамфрис же, подобно солнцу, появлялся над горизонтом на короткие промежутки времени и одаривал счастливого личным вниманием.

На этот раз такая честь была оказана полковнику Ласкомбу. Они обменялись несколькими банальными фразами о скачках, но полковник продолжал размышлять о своей проблеме. А тут появился человек, который мог ему дать ответ.

– Скажите, Хамфрис, как все эти милые старушки ухитряются приезжать и останавливаться у вас?

– О, вас это удивляет? – Казалось, мистера Хамфриса этот вопрос позабавил. – Что ж, ответ очень прост. Они не могли бы себе этого позволить. Если б...

Он сделал паузу.

– Если б вы не установили для них особые цены? Правильно?

– Более или менее. Обычно они не знают, что эти цены особые, а если и понимают, то считают: это потому, что они – наши старые клиенты.

– А дело не только в этом?

– Полковник Ласкомб, ведь я управляю отелем. Я не могу позволить себе потерять деньги.

– Но как это может окупиться?

– Это вопрос атмосферы... У иностранцев, приезжающих в нашу страну – особенно у американцев, потому что именно у них есть деньги, – свои собственные, довольно странные представления об Англии. Понятно, я говорю не о тех богатых бизнесменах, которые все время пересекают Атлантику. Те обычно останавливаются в «Савое» или в «Дорчестере». Им нужен современный декор, американская еда, все то, что позволяет им чувствовать себя как дома. Но многие люди приезжают за границу редко, и они ожидают увидеть нашу страну... пожалуй, я бы не стал тут уходить в прошлое до самых времен Диккенса, но они прочли «Крэнфорд»⁸ и Генри Джеймса⁹ и не хотят видеть нашу страну точно такой же, как их собственная! Поэтому они возвращаются домой и говорят: «В Лондоне есть чудесное место под названием отель «Бертрам». Остановиться там – все равно что отправиться на сотню лет назад. Это настоящая старая Англия! А люди, которые в нем живут! Таких людей больше нигде не встретишь. Чудесные старые герцогини. Там подают старые английские блюда, превосходный старомодный говяжий пудинг! Вы никогда ничего подобного не пробовали. И еще великолепная говяжья вырезка, и седло барашка, и старомодный английский чай, и чудесный английский завтрак... И, разумеется, все обычные блюда тоже. И он такой комфортабельный, просто чудо. И *теплый*. Потрясающие дровяные камины».

Мистер Хамфрис закончил цитировать воображаемого постояльца и позволил себе нечто, напоминающее улыбку.

– Понимаю, – задумчиво произнес Ласкомб. – Эти люди – вымирающие аристократы, обедневшие члены старых знатных семей – все они участники *спектакля*?

Мистер Хамфрис кивнул в знак согласия.

– Меня очень удивляет, что больше никто об этом не подумал. Конечно, я получил «Бертрам» уже готовым, так сказать. Он нуждался только в довольно дорогостоящей реставрации. Все, кто сюда приезжает, думают, что они открыли его для себя сами, что больше о нем никто не знает.

– Полагаю, – заметил Ласкомб, – эта реставрация действительно обошлась очень дорого?

– О да. Отель должен был выглядеть как во времена короля Эдуарда, но иметь все современные удобства, которые в наше время считаются сами собой разумеющимися. У наших милых бабуль и дедуль – вы уж меня простите, что я их так называю, – должно возникать ощущение, что с начала века ничего не изменилось, а у наших постояльцев-путешественников должно возникать ощущение, что они могут жить здесь в обстановке того периода и одновременно получать то, к чему привыкли дома и без чего не могут жить!

– Это иногда создает трудности? – высказал предположение Ласкомб.

– Не то чтобы... Например, возьмем центральное отопление. Американцам требуется – я бы даже сказал, необходима – температура по крайней мере на десять градусов по Фаренгейту выше, чем англичанам. И у нас есть два разных типа спален. Англичан мы селим в один тип, американцев – в другой. Все номера выглядят одинаково, но в них полно отличий: электробритвы, душ наряду с ванной в некоторых ваннных комнатах, и если вы хотите получить американский завтрак, вам подадут хлопья и апельсиновый сок со льдом, и все прочее; а если предпочитаете, можете съесть английский.

– Яичницу с беконом?

– Вот именно; но также гораздо больше блюд, если пожелаете. Копченую рыбу, почки с беконом, холодных рябчиков, йоркширский окорок, оксфордский джем...

– Завтра утром надо будет все это вспомнить. У нас ничего такого уже нет.

⁸ Роман Э. Гаскелл, заверченный в 1853 г.; картина идиллической жизни провинциальной Англии.

⁹ Генри Джеймс (1843–1916) – американский писатель, с 1876 г. живший в Великобритании и в 1915 г. принявший британское подданство. Одна из главных тем его романов – столкновение американской и английской культур.

Хамфрис улыбнулся:

– Большинство джентльменов заказывают только яичницу с беконом. Они... скажем так, отвыкли думать о том, что бывало раньше.

– Да-да... Помню, когда я был ребенком... Столы ломились от горячих блюд. Да, это была роскошная жизнь.

– Мы стараемся дать людям все, что они ни попросят.

– В том числе тминные кексы и маффины... да, понимаю. Каждому – по потребностям, понимаю... Совсем по-марксистски.

– Прошу прощения?

– Просто мысль, Хамфрис. Крайности сходятся.

Полковник Ласкомб отвернулся и взял ключи, которые протянула ему мисс Гориндж. Подскочил посыльный и проводил его к лифту. На ходу он заметил, что леди Селина Хейзи теперь сидит в компании подруги, Джейн Как-ее-там.

Глава 2

– Я полагаю, вы по-прежнему живете в этой милой деревне Сент-Мэри-Мид? – спросила леди Селина. – Такая славная, неиспорченная деревушка. Я часто о ней вспоминаю. Наверное, она совсем не изменилась?

– Пожалуй, не совсем. – Мисс Марпл подумала о кое-каких чертах своего места жительства. Новый участок под застройку. Пристройка к зданию сельской администрации, изменившийся облик Хай-стрит с современными фасадами магазинов... Она вздохнула. – Приходится мириться с переменами.

– Прогресс, – туманно заметила леди Селина. – Хотя мне часто кажется, что никакой это не прогресс. Все эта хитроумная сантехника, которую сейчас применяют. Всех цветов и оттенков, и превосходная «отделка», как это теперь называют, но действительно ли эти штуки работают, если «нажать»? Или «потянуть», смотря по тому, какая у них конструкция... Каждый раз, когда приходишь в гости к друзьям, видишь в туалете надписи вроде: «Резко нажмите и отпустите», «Потяните влево», «Быстро отпустите». А в прежнее время стоило просто повернуть ручку в любую сторону, и сразу же хлынет вода. А вот и славный епископ из Медменхэма, – прервала свою речь Селина, глядя на проходящего мимо пожилого священника. – Он практически ослеп, по-моему. Но такой блестящий, пламенный служитель церкви...

Они начали разговор о делах церковных, прерываемый возгласами Селины, узнающей различных друзей и знакомых, причем многие из них оказывались не теми людьми, за которых она их принимала. Они с мисс Марпл немного поговорили о «прежних временах», хотя, конечно, мисс Марпл выросла совсем не в том окружении, что леди Селина, и их воспоминания ограничивались в основном несколькими годами, когда леди Селина, недавно овдовевшая и сильно стесненная в средствах, снимала маленький домик в деревне Сент-Мэри-Мид в то время, когда воинская часть ее второго сына базировалась на аэродроме рядом с ней.

– Вы всегда здесь останавливаетесь, когда приезжаете в Лондон, Джейн? Странно, что я не видела вас раньше.

– О нет, конечно. Мне это не по карману, и я почти никогда не покидаю дом в последнее время. Нет, просто моя очень добрая племянница решила, что меня порадует короткая поездка в Лондон. Джоан – очень заботливая девочка, хотя ее уже и не назовешь девочкой. – Мисс Марпл с сожалением вспомнила, что Джоан уже где-то около пятидесяти. – Она художница, знаете ли. Довольно известная художница. Джоан Уэст. Недавно у нее была выставка.

Леди Селину мало интересовали художники, как и все искусство. Она считала писателей, художников и музыкантов некой разновидностью умных цирковых животных и была готова относиться к ним снисходительно, но про себя удивлялась, почему им нравится этим заниматься.

– Наверное, это современная живопись, – сказала она, блуждая взглядом по гостинной. – Вон Сисели Лонгхёрст – вижу, она опять покрасила волосы.

– Боюсь, дорогая Джоан действительно очень современная художница.

В этом мисс Марпл сильно ошибалась. Джоан Уэст была современной лет двадцать назад, но сейчас молодые и честолобивые художники считали ее абсолютно старомодной.

Бросив беглый взгляд на волосы Сисели Лонгхёрст, мисс Марпл погрузилась в приятные воспоминания о том, какая добрая у нее Джоан. Так и сказала своему мужу:

– Я бы хотела, чтобы мы что-нибудь сделали для бедной старой тетюшки Джейн. Она никогда не уезжает из дома. Как ты думаешь, ей бы понравилось съездить в Борнмут на недельку-другую?

– Хорошая идея, – ответил Реймонд Уэст. Его последняя книга продавалась очень успешно, и он ощущал прилив щедрости.

– Ей доставила большое удовольствие поездка в Вест-Индию, по-моему, хотя, к сожалению, там она оказалась замешанной в деле об убийстве¹⁰. В ее возрасте это никуда не годится.

– С ней такое постоянно случается.

Реймонд очень любил старую тетушку и постоянно придумывал, чем ее порадовать; он посылал ей книги, которые, по его мнению, могли ее заинтересовать, и удивлялся, когда она часто вежливо отказывалась от его подарков. Хотя тетушка всегда говорила, что книги «такие интересные», он иногда подозревал, что она их не читала. С другой стороны, ее глаза, конечно, видели все хуже.

Насчет последнего он ошибался. У мисс Марпл было удивительно хорошее зрение для ее возраста, и в этот момент ее глаза с острым интересом и удовольствием подмечали все, что происходит вокруг.

В ответ на предложение съездить на недельку-другую в один из лучших отелей Борнмута она колебалась и тихо ответила:

– Это очень, очень любезно с твоей стороны, моя дорогая, но я не думаю...

– Но это будет полезно для тебя, тетя Джейн. Иногда полезно уезжать из дому. Это дает новые идеи, новые темы для размышлений.

– О да, тут ты совершенно права, и я бы хотела ненадолго съездить куда-нибудь, чтобы сменить обстановку. Но, возможно, не в Борнмут.

Джоан слегка удивилась. Она считала, что Борнмут стал бы для тети Джейн чем-то вроде Мекки.

– В Истборн? Или Торки?

– Куда бы мне очень хотелось... – Мисс Марпл заколебалась.

– Да?

– Мне кажется, что ты сочтешь это глупостью с моей стороны.

– Нет, я уверена, что не сочту. – Куда же милой тетушке захотелось поехать?

– Мне бы очень хотелось поехать в отель «Бертрам», в Лондон.

– Отель «Бертрам»? – Название смутно знакомое...

Слова потоком хлынули из уст мисс Марпл:

– Я останавливалась там один раз, когда мне было четырнадцать лет. Вместе с дядей и тетей, с дядей Томасом, он был каноником в Или. И я никогда об этом не забывала. Если бы я смогла пожить там... недели было бы вполне достаточно, две недели – слишком дорого.

– О, с этим все в порядке. Конечно, ты поедешь. Мне следовало сообразить, что тебе захочется съездить в Лондон – магазины и тому подобное... Мы это организуем, если отель «Бертрам» все еще существует. Столько отелей исчезло: некоторые разбомбили во время войны, некоторые просто закрыли...

– Нет, я случайно узнала, что отель «Бертрам» все еще действует. Я получила оттуда письмо от моей подруги из Америки, Эми Макалистер из Бостона. Они с мужем там останавливались.

– Хорошо, тогда я все устрою. – Джоан мягко прибавила: – Боюсь, ты можешь обнаружить, что он сильно изменился с тех пор, как ты его видела. Поэтому не разочаруйся.

Но отель «Бертрам» не изменился. Он остался точно таким, каким был всегда. По мнению мисс Марпл, это было просто чудо. Собственно говоря, это ее даже удивило...

Это казалось слишком чудесным, чтобы быть правдой. Она очень хорошо понимала, руководствуясь своим обычным критическим взглядом, что ей хочется просто освежить свои

¹⁰ Об этом рассказывается в романе А. Кристи «Карибская тайна».

воспоминания о прошлом, вернуть им яркость красок. Большую часть жизни она вынуждена была провести, вспоминая прежние удовольствия. Если удастся найти человека, вместе с которым можно их вспомнить, это действительно счастье. В наше время сделать это нелегко; она пережила большинство своих современников. Но все равно сидела и вспоминала. Станным образом это возвращало ее к жизни – Джейн Марпл, ту бело-розовую, оживленную юную девушку... такую глупышку во многих отношениях. Кто был тот совершенно неподходящий молодой человек, которого звали... о господи, она даже не может теперь вспомнить имя! Как мудро поступила тогда ее мать, подавившая в зародыше дружбу... Мисс Марпл случайно встретила его много лет спустя, и он оказался совершенно ужасным! А в то время она засыпала вся в слезах по крайней мере целую неделю!

В нынешнее время, конечно... Она задумалась о нынешнем времени... Бедные юные девушки. У некоторых из них есть матери, но такие матери, которые никуда не годятся, матери, совершенно не способные защитить своих дочерей от глупых романов, незаконнорожденных детей, от ранних, неудачных браков. Все это очень грустно...

Голос подруги прервал ее размышления:

– Кто бы мог подумать! Это... да, так и есть... это Бесс Седжвик! Вот уж где не ожидала...

Мисс Марпл вполуха слушала комментарии леди Селины об окружающих людях. Они с ней вращались в совершенно разных кругах, так что мисс Марпл не могла обмениваться с ней скандальными слухами о различных друзьях и знакомых, которых леди Селина узнавала или думала, что узнает.

Но с Бесс Седжвик дело обстояло иначе. Это имя знали почти все англичане. Уже больше тридцати лет газеты писали о том или ином возмутительном или экстравагантном поступке Бесс Седжвик. Большую часть войны она была членом французского Сопротивления, и говорили, что на ее винтовке стоит шесть зарубок, означающих убитых немцев. Она в одиночку перелетела через Атлантический океан много лет назад, пересекла верхом Европу и закончила путешествие на озере Ван¹¹. Она водила гоночные автомобили, однажды спасла двоих детей из горящего дома, на ее счету было несколько браков, как с людьми достойными, так и с недостойными, и она одевалась лучше всех женщин в Европе, уступая только одной. Говорили также, что она успешно проникла на борт атомной подводной лодки, совершавшей испытательное плавание.

Поэтому мисс Марпл с большим интересом выпрямилась и уставилась на нее откровенно жадным взглядом.

Чего бы она ни ждала от отеля «Бертрам», но явно не встретить здесь Бесс Седжвик. Дорогой ночной клуб или забегаловка для шоферов грузовиков – оба эти места вполне соответствовали широкому диапазону интересов Бесс Седжвик. Но эта крайне респектабельная, старомодная обстановка казалась совершенно ей чуждой.

Однако она была здесь, это уж несомненно. Не проходило почти ни одного месяца без того, чтобы лицо Бесс Седжвик не появилось в журнале мод или в популярных изданиях. И вот она здесь, собственной персоной, быстро и нетерпеливо курит сигарету и удивленно смотрит на большой чайный поднос, стоящий перед ней, будто никогда прежде такого не видела. Она заказала... мисс Марпл скосила глаза и посмотрела, так как сидела довольно далеко... да, пончики. Очень интересно.

На ее глазах Бесс Седжвик потушила окурок сигареты в блюде, взяла пончик и откусила огромный кусок. Густой, красный, настоящий клубничный джем потек по ее подбородку. Бесс запрокинула голову и расхохоталась, и это был такой громкий и веселый смех, какого уже давно не слышали в гостиной отеля «Бертрам».

¹¹ Озеро на востоке Турции, в турецком Курдистане.

Генри тут же очутился рядом с ней и протянул ей маленькую, изящную салфетку. Она взяла ее, энергично, как мальчишка-школьник, вытерла подбородок и воскликнула:

– Вот что я называю настоящим пончиком. Великолепно.

Бесс бросила салфетку на поднос и встала. Как всегда, все смотрели на нее. Она к этому привыкла. Возможно, ей это нравилось, а может быть, она уже этого не замечала. На нее стоило посмотреть: скорее эффектная женщина, чем красивая. Блестящие и гладкие платиновые волосы очень светлого оттенка доходили ей до плеч. Голова и лицо имели утонченные очертания. Нос слегка напоминал орлиный, глубоко посаженные глаза были серого цвета. У нее был широкий рот прирожденной комедиантки. Платье отличалось такой простотой, что это озадачивало большинство мужчин. Оно напоминало самую грубую мешковину, не имело никаких украшений и никаких видимых застежек и швов. Но женщин не проведешь. Даже провинциальные бабули в «Бертраме» были совершенно уверены, что стоило оно целое состояние!

Шагая через гостиную к лифту, Бесс Седжвик прошла совсем рядом с леди Селиной и мисс Марпл и кивнула первой из них:

– Здравствуйте, леди Селина. Я не видела вас после визита к Крафтам. Как поживают ваши борзые?

– Как вас сюда занесло, Бесс?

– Просто остановилась в отеле. Я только что приехала на автомобиле из Лендс-Энд. За четыре часа и сорок пять минут. Неплохо.

– Когда-нибудь вы прикончите себя. Или кого-нибудь еще.

– О, надеюсь, что нет.

– Но почему вы остановились именно здесь?

Бесс Седжвик бросила вокруг себя быстрый взгляд. По-видимому, она поняла суть вопроса и призналась в этом с ироничной улыбкой:

– Кто-то мне сказал, что я должна оценить это. Думаю, они правы. Я только что съела превосходнейший пончик.

– Дорогая, у них и настоящие маффины пекут.

– Маффины, – задумчиво повторила леди Седжвик. – Да... – По-видимому, она выразила согласие. – Маффины!

Она кивнула и пошла дальше к лифту.

– Необыкновенная девушка, – сказала леди Селина; для нее, как и для мисс Марпл, всякая женщина младше шестидесяти лет была девушкой. – Я знаю ее с тех пор, как она была ребенком. Никто ничего не мог с ней поделать. В шестнадцать лет убежала с конюхом-ирландцем. Ее удалось вернуть вовремя, а может, и не вовремя. Во всяком случае, от него откупились и благополучно выдали замуж за старика Конистона, на тридцать лет старше ее, он был ужасным старым развратником и сходил по ней с ума. Это долго не продлилось. Она убежала с Джонни Седжвиком. Этот брак мог оказаться прочным, если б тот не сломал себе шею на стипль-чезе¹². После этого она вышла замуж за Риджуэя Беккера, американского яхтовладельца. Он развелся с ней три года назад, и я слышала, что она связалась с каким-то спортивным гонщиком, поляком, кажется. Не знаю, вышла она за него замуж или нет. После развода с американцем она снова взяла себе фамилию Седжвик. Водится с самыми странными людьми. Говорят, употребляет наркотики; не могу точно сказать.

– Невольно задаешь себе вопрос, счастлива ли она, – заметила мисс Марпл.

Леди Селина, которая явно никогда не задавалась подобным вопросом, была поражена.

– Полагаю, у нее куча денег, – с сомнением произнесла она. – Алименты и все такое. Конечно, это еще не все...

¹² Стиплъ-чез – скачки с препятствиями.

– Да, действительно.

– И у нее обычно всегда есть мужчина – или несколько мужчин.

– Неужели?

– Конечно, когда некоторые женщины достигают такого возраста, им больше ничего и не нужно... Но все-таки...

Она замолчала.

– Да, – сказала мисс Марпл. – Я тоже так не думаю.

Есть люди, которые улыбнулись бы, с легкой иронией восприняв это заявление из уст старомодной пожилой дамы, которая едва ли разбирается в проблемах нимфомании, да мисс Марпл и не употребила бы этого слова. Она бы сказала «всегда слишком любила мужчин». Но леди Селина приняла ее мнение за подтверждение своих слов.

– В ее жизни было множество мужчин, – напомнила она.

– О да, но я бы сказала, что мужчины всегда были для нее приключением, а не необходимостью, вы так не считаете?

Мисс Марпл спрашивала себя, приехала бы женщина в отель «Бертрам» на встречу с мужчиной? «Бертрам» определенно не был подходящим для этого местом. Но, возможно, женщина с таким характером, как у Бесс Седжвик, именно поэтому и выбрала бы его.

Мисс Марпл вздохнула, подняла взгляд на красивые старинные напольные часы, солидно тикающие в углу, и поднялась осторожно и с усилиями, обычными для людей, страдающих ревматизмом. Затем медленно двинулась к лифту. Леди Селина огляделась вокруг и атаковала пожилого джентльмена с выправкой военного, который читал «Спектейтор».

– Как я рада снова вас видеть. Э... генерал Арлингтон, не так ли?

Но пожилой джентльмен очень учтиво отрицал, что он генерал Арлингтон. Леди Селина извинилась, но не была слишком обескуражена. Близорукость сочеталась в ней с оптимизмом, и так как больше всего она любила встречать старых друзей и знакомых, то всегда совершала подобные ошибки. Многие тоже так ошибались, потому что лампы здесь были приятно тускловатыми и были снабжены плотными абажурами. Никто не обижался, казалось даже, что это доставляет людям удовольствие.

Мисс Марпл улыбалась про себя, ожидая, пока спустится лифт. Это так похоже на Селину! Всегда убеждена, что всех знает. Сама она не могла с ней соревноваться. Ее единственным достижением в этом плане был красавец епископ Уэстчестера в отличных гетрах, к которому она ласково обратилась «дорогой Робби» и который не менее ласково ответил ей, вспоминая себя ребенком в Хэмпширском аббатстве, кричавшим в исступлении: «А теперь стань крокодилом, тетя Джейни! Стань крокодилом и съешь меня!»

Лифт спустился вниз, пожилой мужчина в униформе открыл дверь. К удивлению мисс Марпл, в кабине стояла Бесс Седжвик, которая у нее на глазах поднялась вверх всего пару минут назад. А затем, подняв одну ногу, она резко остановилась, что удивило мисс Марпл и помешало ей сделать шаг вперед, и уставилась через плечо мисс Марпл так сосредоточенно, что пожилая дама тоже повернула голову назад.

Швейцар только что распахнул обе половинки входной двери и придерживал их, пропуская в вестибюль двух женщин. Одна из них – суетливая пожилая дама, в довольно нелепой фиолетовой шляпке с фиалками на голове. Вторая – высокая, просто, но красиво одетая девушка лет семнадцати или восемнадцати с длинными, прямыми, соломенно-желтыми волосами.

Бесс Седжвик опомнилась, резко повернулась и снова вошла в лифт. Когда мисс Марпл вошла следом за ней, она повернулась к ней и извинилась.

– Простите меня. Я чуть не столкнулась с вами. – Леди Седжвик произнесла это теплым, дружелюбным тоном. – Я вспомнила, что кое-что забыла. Звучит глупо, но так и есть.

– Третий этаж? – спросил лифтер.

Мисс Марпл улыбнулась и кивнула, принимая извинение, потом вышла и медленно пошла к себе в номер, с удовольствием перебирая в уме различные несущественные мелочи. Это вошло у нее в привычку, и она часто так делала.

Например, то, что сказала леди Седжвик, было неправдой. Она только что поднялась в свой номер и, должно быть, именно тогда «вспомнила, что кое-что забыла» (если в этом заявлении хоть что-то было правдой) и спустилась за этим вниз. Или она спустилась вниз, чтобы с кем-то встретиться, кого-то найти? Но если это так, то, что она увидела, когда открылась дверь лифта, ее поразило и расстроило, и она сразу же заскочила назад и поднялась наверх, чтобы не встретиться с тем, кого она увидела.

Должно быть, с двоими вновь прибывшими. С женщиной средних лет и девушкой. Они мать и дочь? Нет, подумала мисс Марпл, *не* мать и дочь.

Даже в «Бертраме», заключила она с радостью, могут происходить интересные вещи...

Глава 3

– Э-э... полковник Ласкомб?

Женщина в фиолетовой шляпке стояла у стойки. Мисс Гориндж улыбнулась приветливой улыбкой, и посыльного, который стоял рядом наготове, немедленно отправили с поручением, но он не успел его выполнить, так как сам полковник Ласкомб в этот момент вошел в холл и стремительно направился к стойке администратора.

– Здравствуйте, миссис Карпентер. – Он вежливо пожал ей руку, затем повернулся к девушке. – Моя дорогая Эльвира. – Ласково взял ее руки в свои ладони. – Однако! Я так рад! Великолепно, великолепно. Пойдемте, давайте присядем. – Он повел их к креслам и усадил. – Однако! Я так рад! – повторил он.

Его потуги быть любезным были почти осязаемыми, как и его напряжение. Но не мог же он продолжать твердить, как рад. А обе дамы ему не очень-то помогали. Эльвира крайне мило улыбалась. Миссис Карпентер издала бессмысленный смешок и расправила перчатки.

– Хорошо добрались, а?

– Да, спасибо, – ответила Эльвира.

– Никакого тумана? Ничего такого?

– О нет.

– Наш самолет приземлился на пять минут раньше, – сообщила миссис Карпентер.

– Да-да. Хорошо, очень хорошо. – Он сделал над собой усилие. – Надеюсь, этот отель вам подойдет.

– О, я уверена, что он очень хороший, – с энтузиазмом произнесла миссис Карпентер, оглядываясь вокруг. – Очень комфортабельный.

– Боюсь, несколько старомодный, – извиняющимся тоном сказал полковник. – Здесь останавливаются ретрограды. Никаких танцев, ничего подобного.

– Должно быть, – согласилась Эльвира.

Она равнодушно огляделась вокруг. Положительно невозможно представить себе танцы в «Бертраме».

– Боюсь, здесь полно ретроградов, – снова повторил полковник Ласкомб. – Возможно, следовало поселить вас в какую-нибудь более современную гостиницу. Я не слишком хорошо разбираюсь в таких вещах.

– Здесь очень мило, – вежливо сказала Эльвира.

– Это всего на пару дней, – продолжал полковник Ласкомб. – Я думаю, сегодня вечером мы пойдем в театр. На мюзикл... – Он произнес это слово с сомнением в голосе, словно не был уверен, что использует правильный термин. – «Распустите волосы, девицы». Надеюсь, вы не возражаете?

– Как замечательно, – воскликнула миссис Карпентер. – Мы получим большое удовольствие, правда, Эльвира?

– Чудесно, – без всякого выражения произнесла та.

– А потом поужинаем? В «Савое»?

Последовал новый поток восклицаний от миссис Карпентер. Ласкомб, украдкой бросив взгляд на Эльвиру, слегка повеселел. Он решил, что та довольна, но твердо намерена не выражать ничего, кроме вежливого одобрения, в присутствии миссис Карпентер. «И я ее не виню», – подумал полковник.

Миссис Карпентер он сказал:

– Может быть, вы бы хотели посмотреть свои комнаты, всё ли в порядке и тому подобное...

– О, я уверена, они хорошие.

– Что ж, если вам что-то не понравится, мы потребуем поменять их. Меня здесь хорошо знают.

Мисс Гориндж, распоряжавшаяся за стойкой администратора, приветствовала их с радушным гостеприимством. Номера 28 и 29 на третьем этаже с общей ванной комнатой между ними.

– Я поднимусь наверх и распакую вещи, – сказала миссис Карпентер. – Может быть, Эльвира, вы с полковником Ласкомбом хотите немного побеседовать?

Такт, подумал Ласкомб. Несколько прямолинейный, возможно, но, во всяком случае, это позволит ненадолго избавиться от нее. Хотя о чем беседовать с Эльвирой, он совершенно не представлял. Очень благовоспитанная девица, но полковник не привык общаться с девицами. Жена его умерла при родах, и младенца, мальчика, растили родственники супруги, а к нему приехала вести хозяйство старшая сестра. Сын женился и уехал жить в Кению, внукам было одиннадцать, пять лет и два с половиной года, и во время последнего приезда он развлекал их футболом, беседой о космической науке, электропоездами и катанием верхом на своей ноге. Это запросто! Но юные девушки...

Он спросил у Эльвиры, не хочет ли она выпить. Уже собирался предложить ей лимонный тоник, имбирный эль или оранжад, но Эльвира его опередила:

– Спасибо. Я бы выпила джин с вермутом.

Полковник Ласкомб с сомнением посмотрел на нее. Он считал, что девушки в ее возрасте... сколько ей, шестнадцать, семнадцать? – не пьют джин с вермутом. Но успокоил себя тем, что Эльвира должна разбираться в том, что прилично, а что нет. Он заказал джин с вермутом и сухой шерри. Потом откашлялся и спросил:

– Как вам было в Италии?

– Очень хорошо, спасибо.

– А то заведение, где вы жили, у графини – как ее имя? – не слишком суровое?

– Она довольно строгая. Но я не позволяла себе волноваться по этому поводу.

Ласкомб смотрел на нее, призадумавшись, не является ли такой ответ несколько двусмысленным. Потом произнес, с запинками, но более естественно, чем ему удавалось раньше:

– Боюсь, мы знаем друг друга не так хорошо, как должны бы, учитывая то, что я – твой опекун и к тому же крестный отец. Мне это трудно, понимаешь, трудно такому старику, как я, понять, что нужно девушке. По крайней мере... я хочу сказать, я не знаю, что девушкам сегодня требуется. Ну, понятно, всякие школы, а потом, после школы, то, что в мое время обычно называли «навести лоск». Но сейчас, полагаю, все более серьезно. Карьера, да? Работа? Все это вместе? Нам придется как-нибудь поговорить обо всем этом. Ты хочешь заняться чем-то определенным?

– Думаю, я поступлю на курсы секретарей, – ответила Эльвира без энтузиазма.

– Вот как. Ты хочешь быть секретаршей?

– Не очень...

– Ну, тогда...

– Просто именно с этого начинают, – объяснила Эльвира.

У полковника возникло странное ощущение, что его ставят на место.

– Эти мои родственницы, Мелфорды. Ты считаешь, что тебе понравится жить у них? Если нет...

– О, я думаю, да. Мне нравится Нэнси. И кухня Милдред такая душечка.

– Значит, всё в порядке?

– Вполне, пока что.

Ласкомб не знал, что на это ответить. Он раздумывал, что говорить дальше, но Эльвира заговорила сама. Вопрос ее прозвучал просто и прямо:

– У меня есть деньги?

Он опять ненадолго задумался, взглядываясь в нее. Потом сказал:

– Да. У тебя очень много денег. То есть они у тебя будут, когда тебе исполнится двадцать один год.

– А у кого они сейчас?

Полковник улыбнулся.

– Они хранятся для тебя в фонде; определенное количество каждый год выделяется из дохода на твое содержание и образование.

– А вы – попечитель?

– Один из попечителей. Нас трое.

– Что произойдет, если я умру?

– Ну-ну, Эльвира, ты не умрешь. Что за ерунда!

– Надеюсь, что нет, но нельзя знать наверняка, правда? Вот, к примеру, на прошлой неделе разбился самолет и все погибли.

– Ну, с тобой этого не случится, – твердо произнес Ласкомб.

– Вы не можете знать это наверняка, – сказала Эльвира. – Я только спрашивала, кто получил бы мои деньги, если б я умерла?

– Не имею ни малейшего представления, – раздраженно ответил полковник. – Почему ты спрашиваешь?

– Это может быть интересно, – задумчиво произнесла Эльвира. – Я хотела знать, выгодно ли кому-нибудь меня убить.

– В самом деле, Эльвира! Этот разговор не имеет никакого смысла. Не понимаю, почему ты размышляешь о таких вещах.

– О! Это просто мысли. Хочется знать, каковы реальные факты.

– Ты ведь не думаешь о мафии или о чем-то в этом роде?

– О нет. Это было бы глупо. Кто получил бы мои деньги, если б я была замужем?

– Наверное, твой муж. Но в самом деле...

– Вы в этом уверены?

– Нет. Я совсем не уверен. Это зависит от условий договора об опеке. Но ты не замужем, так к чему волноваться?

Эльвира не ответила; казалось, она глубоко задумалась. Наконец девушка вышла из этого состояния и спросила:

– Вы видите мою мать?

– Иногда. Не очень часто.

– Где она сейчас?

– О... за границей.

– Где именно?

– Во Франции или в Португалии. Я точно не знаю.

– Она хочет меня увидеть?

Эльвира посмотрела ему в глаза ясным взглядом. Полковник не знал, что ей ответить. Это момент истины? Или уклончивого ответа? Или чудовищной лжи? Что можно ответить девушке, которая задает такой простой вопрос, когда ответить ужасно сложно? Он удрученно сказал:

– Я не знаю.

Ее глаза серьезно изучали его. Ласкомб чувствовал себя ужасно неловко. Он все испортил. Девушка должна интересоваться подобным, и вот она откровенно интересуется. Любая хотела бы знать.

– Ты не должна думать... – сказал он, – то есть... это трудно объяснить. Твоя мать, скажем так, очень отличается от...

Эльвира энергично закивала:

– Я знаю. Я постоянно читаю о ней в газетах. Она – нечто особенное, правда? В самом деле совершенно поразительная личность.

– Да, – согласился полковник. – Это именно так. Она – потрясающая личность. – Он помолчал, потом продолжил: – Но потрясающие личности очень часто... – Ласкомб умолк и начал снова: – Иметь матерью потрясающую личность – это не всегда приносит счастье. Можешь мне поверить, потому что это правда.

– Вы не очень-то любите говорить правду, не так ли? Но, я думаю, то, что вы мне сейчас сказали, – правда.

Они сидели, глядя на большие, оправленные в латунь створки, которые вели во внешний мир.

Внезапно кто-то резко распахнул их – такая резкость была совершенно необычной для отеля «Бертрам», – и в отель стремительно вошел какой-то молодой человек и прошел прямо к стойке администратора. Он был одет в черную кожаную куртку. В нем чувствовалось столько энергии, что отель «Бертрам» по контрасту с ним стал казаться музеем, а остальные люди выглядели запыленными обломками древних времен. Он склонился к мисс Гориндж и спросил:

– Леди Седжвик остановилась здесь?

Мисс Гориндж обошла без своей приветливой улыбки. Глаза ее смотрели сурово. Она ответила:

– Да. – Потом, явно неохотно, протянула руку к телефону. – Вы хотите, чтобы я...

– Нет, – сказал молодой человек. – Я просто хотел оставить ей записку.

Он достал записку из кармана своей кожаной куртки и подтолкнул ее к мисс Гориндж по стойке из красного дерева.

– Хотел убедиться, что попал в нужный отель.

В его голосе прозвучало легкое недоверие; он огляделся вокруг, потом повернулся к двери. Взгляд его равнодушно скользил по сидящим в холле людям. С тем же равнодушием он скользнул и по Ласкомбу с Эльвирой, и полковника внезапно охватил беспричинный гнев. «Черт побери, – подумал он, – Эльвира – хорошенькая девушка. Когда я был молодым парнем, я бы заметил хорошенькую девушку, особенно среди таких ископаемых». Но этого юношу, по-видимому, не интересовали хорошенькие девушки. Он снова повернулся к стойке и слегка повысил голос, словно хотел привлечь внимание мисс Гориндж:

– Какой у вас номер телефона? Одиннадцать – двадцать девять, да?

– Нет, – ответила мисс Гориндж, – тридцать девять – двадцать пять.

– Риджент?

– Нет, Мейфэр¹³.

Он кивнул, затем быстро прошел к двери и вышел из отеля, так же резко толкнув дверь, как и при входе.

Казалось, все глубоко вздохнули и с трудом возобновили прерванные беседы.

– Однако, – произнес полковник Ласкомб совершенно не к месту, словно не находил слов. – Однако, в самом деле! Эти современные молодые люди...

Эльвира улыбалась.

– Вы его узнали, не так ли? – спросила она. – Вы знаете, кто он такой? – В ее голосе звучало благоговение. – Ладислав Малиновский, – просветила она его.

¹³ В то время группы номеров привязывались к районам, названия которых использовались примерно в том же качестве, в котором сегодня используются коды. Мейфэр – часть центрального лондонского района Вестминстер, ограниченная с востока Риджент-стрит. Именно там располагается отель «Браунз», который, согласно неподтвержденному, но очень популярному предположению, послужил прототипом «Бертрама».

– О, тот самый... – Это имя показалось полковнику Ласкомбу смутно знакомым. – Автогонщик?

– Да. Он два года подряд становился чемпионом мира. Год назад попал в страшную аварию, весь переломался. Но, мне кажется, сейчас он опять водит. – Она подняла голову и прислушалась. – Это мотор его гоночного автомобиля.

С улицы в холл отеля «Бертрам» проник рев двигателя. Полковник Ласкомб догадался, что Ладислав Малиновский – один из героев Эльвиры. «Что ж, – подумал он, – лучше он, чем один из этих поп-музыкантов, или эстрадных певцов, или длинноволосых «битлов», или как там они себя называют». Ласкомб придерживался старомодных взглядов в отношении молодых людей.

Дверь опять открылась. И полковник, и Эльвира выжидающе смотрели на нее, но отель «Бертрам» вернулся к своей обычной жизни. Вошел всего лишь седовласый пожилой священник. Несколько мгновений он стоял, оглядываясь с немного озадаченным видом, как человек, который не понимает, где он находится и как сюда попал. Подобное состояние не было чем-то новым для каноника Пеннифазера. Такое случалось с ним в поездках, когда он не помнил, откуда приехал, куда направляется и зачем. Случалось и когда он шел по улице или участвовал в заседаниях комитета. Случалось, когда стоял на кафедре в соборе и не знал, произнес уже проповедь или только собирается.

– Кажется, я знаю этого старичка, – сказал Ласкомб, глядя на него. – Кто же он такой? Он останавливается здесь очень часто, по-моему. Аберкромби? Архидиакон Аберкромби... нет, это не он, хотя очень похож.

Эльвира взглянула на каноника Пеннифазера безо всякого интереса. В отличие от автогонщика, он ее совсем не привлекал. Девушку не интересовали никакие священнослужители, хотя после путешествия в Италию она признавала, что кардиналы вызывают у нее умеренное восхищение: по крайней мере они весьма колоритны.

Лицо каноника Пеннифазера прояснилось, и он обрадованно закивал, узнав место, в котором находится. В отеле «Бертрам», разумеется, – и собирается переночевать здесь по пути в... куда же он направляется? В Чадминстер? Нет, нет, он только что приехал из Чадминстера. Он направляется... конечно! – на конгресс в Люцерн. Пеннифазер прошел вперед, широко улыбаясь, к стойке администратора и тепло поздоровался с мисс Гориндж.

– Так приятно вас видеть, каноник Пеннифазер. Как вы хорошо выглядите!

– Благодарю, благодарю вас, на прошлой неделе я был сильно простужен, но теперь уже выздоровел. У вас есть для меня номер? Я ведь писал?

Мисс Гориндж успокоила его:

– О да, каноник Пеннифазер, мы получили ваше письмо. Мы вам зарезервировали номер девятнадцатый, тот, в котором вы останавливались в прошлый раз.

– Спасибо, спасибо. Дайте подумать... он мне нужен на четыре дня. Собственно говоря, я еду в Люцерн и буду отсутствовать одну ночь, но сохраните за мной номер, пожалуйста. Я оставлю здесь большую часть багажа, возьму с собой только маленькую сумку в Швейцарию. С этим не будет никаких трудностей?

Мисс Гориндж снова его успокоила:

– Все будет в полном порядке. Вы всё очень ясно изложили в письме.

Возможно, больше никто не употребил бы слово «ясно» в этой ситуации – больше подошло бы «полностью», так как он изложил все очень многословно.

Успокоившись на этот счет, каноник Пеннифазер вздохнул с облегчением и вместе со своим багажом был препровожден в номер 19.

В номере 28 миссис Карпентер уже сняла с головы свою фиалковую корону и тщательно раскладывала ночную сорочку на подушке. Когда вошла Эльвира, она подняла глаза.

– А, вот и ты, дорогая. Хочешь, помогу тебе распаковать вещи?

– Нет, спасибо, – вежливо ответила Эльвира. – Все-таки я не собираюсь доставать много вещей.

– Какую из спален ты бы хотела занять? Ванная комната находится между ними. Я велела отнести твой багаж в дальнюю комнату. Я подумала, что в этой может быть немного шумно.

– Это очень любезно в вашей стороны, – поблагодарила Эльвира своим невыразительным голосом.

– Ты уверена, что тебе не нужна моя помощь?

– Нет, спасибо, совсем не нужна. Думаю, я приму ванну.

– Да, по-моему, это очень удачная мысль. Хочешь принять ванну первой? Я бы пока закончила раскладывать вещи.

Эльвира кивнула, прошла в соседнюю ванную комнату, закрыла за собой дверь и заперла ее. Прошла к себе в спальню, открыла чемодан и бросила на кровать кое-какие вещи. Затем разделась, надела халат, прошла в ванную и открыла краны. Вернулась в спальню и села на кровать у телефона. Несколько секунд она прислушивалась, не мешает ли ей кто-нибудь, и подняла трубку.

– Говорят из номера двадцать девять. Соедините меня, пожалуйста, с номером Риджент одиннадцать – двадцать девять.

Глава 4

В недрах Скотленд-Ярда шло совещание. Оно было скорее неофициальным. Шесть или семь мужчин непринужденно расположились вокруг стола, и каждый занимал высокое положение в своей области. В центре внимания этих стражей закона стояла проблема, приобретшая за последние два или три года огромное значение. Дело касалось той ветви криминальной деятельности, успехи которой вызывали у властей сильную тревогу. Наблюдался рост количества крупных ограблений. Налеты на банки, захваты зарплатных денег, кражи партий драгоценностей, пересылаемых по почте, ограбления поездов... И месяца не проходило без того, чтобы преступники не наносили отчаянно смелый и наглый удар, причем успешно.

Сэр Рональд Грейвз, помощник комиссара Скотленд-Ярда, сидел во главе стола на месте председателя. По своему обыкновению, он больше слушал, чем говорил. В данном случае не заслушивали никаких официальных докладов. Все это составляло обычную рутинную работу Управления уголовных расследований. Встреча была совещанием на высшем уровне, обменом идеями между людьми, рассматривающими положение дел с немного разных точек зрения. Взгляд сэра Рональда Грейвза медленно заскользил по небольшой группе, затем он кивнул человеку в конце стола.

– Ну, Папаша, – произнес он, – давайте выслушаем кое-что из ваших остроумных идей.

Человеком, которого называли Папашей, был старший инспектор Фред Дэйви. Ему уже немного осталось до отставки, и он выглядел даже старше своих лет. Отсюда и прозвище «Папаша». Дэйви обладал такой успокаивающей, добродушной внешностью и такими благожелательными и приветливыми манерами, что многие преступники бывали неприятно поражены, когда он оказывался менее добрым и доверчивым, чем казался.

– Да, Папаша, давайте выслушаем ваше мнение, – поддержал его другой старший инспектор.

– Размах большой, – произнес Дэйви с глубоким вздохом. – Да, большой. Может быть, он становится еще больше.

– Вы имеете в виду их численность?

– Да.

Вмешался еще один человек с острым лисьим лицом и настороженными глазами, по имени Комсток:

– Вы хотите сказать, что в этом их преимущество?

– И да, и нет, – ответил Папаша. – Это может стать и катастрофой. Но пока что, черт побери, у них все под надежным контролем.

Суперинтендант Эндрюс, светловолосый худощавый мужчина с мечтательным лицом, задумчиво произнес:

– Я всегда полагал, что размер значит гораздо больше, чем считают. Возьмите небольшое предприятие под управлением одного человека. Если им хорошо руководить, если оно правильного размера, то наверняка будет успешным. Если расширить дело, сделать предприятие более крупным, увеличить число сотрудников, то, вероятно, его размер станет *несообразным*, и дело покатится под горку. То же происходит с крупными торговыми сетями. Или промышленной империей. Если она достаточно большая, то преуспеет. Если недостаточно большая, то потерпит неудачу. Все должно иметь свой оптимальный размер. Когда дело правильного размера и им хорошо руководят, оно на вершине успеха.

– Насколько крупное это предприятие, по-вашему? – резко спросил сэр Рональд.

– Крупнее, чем мы сначала считали, – ответил Комсток.

Инспектор Макнил, решительного вида мужчина, прибавил:

– Я бы сказал, что оно растет. Папаша прав. Оно все время растет.

– Может быть, это хорошо, – заметил Дэйви. – Может быть, оно растет слишком быстро и скоро выйдет из-под контроля.

– Вопрос в том, сэр Рональд, – сказал Макнил, – кого мы арестуем и когда?

– Мы могли бы арестовать добрый десяток людей или около того, – ответил Комсток. – Шайка Харриса в этом замешана, нам об этом известно. Есть одно милое гнездышко на дороге в Лутон. Есть гараж в Эпсоме, есть паб недалеко от Мейденхеда и есть ферма на Грейт-Норт-роуд.

– Стоит кого-нибудь из них арестовать?

– Не думаю. Все они – мелкая рыбешка. Звенья. Просто звенья одной цепочки. Место, где быстро переделывают автомобили и продают по новой; уважаемый паб, через который передают сообщения; магазин подержанной одежды, где можно изменить внешность; магазин театральных и маскарадных костюмов в Ист-Энде также очень полезное место. Этим людям платят. Очень хорошо платят, но они ничего существенного не знают!

Сонный суперинтендант Эндрюс снова заговорил:

– Мы имеем дело с очень умным противником. И пока даже близко не подобрались к нему. Знаем некоторые связи, вот и всё. Как я уже сказал, в этом участвуют люди Харриса, а в финансовом обеспечении участвует Маркс. Зарубежные контакты идут через Уэбера, но он – всего лишь посредник. У нас на этих людей нет ничего существенного. Мы знаем, что у них всех есть способы поддерживать контакт друг с другом и с различными ответвлениями концерна, но нам точно неизвестно, как они это делают. Мы наблюдаем за ними и идем по их следу, и они знают, что мы следим за ними. Где-то находится крупный центр связи. И нам надо добраться до организаторов.

– Это похоже на гигантскую сеть, – сказал Комсток. – Я согласен, что где-то должен быть оперативный штаб. Место, где планируется каждая операция, подробно разрабатывается и координируется. Где-то кто-то все это продумывает, составляет рабочий проект и определяет состав участников. Именно этих людей мы хотим поймать.

– Возможно, они даже находятся не в нашей стране, – тихо заметил Папаша.

– Должен признать, это может оказаться правдой. Может быть, они сидят где-то в иглу, или в палатке в Марокко, или в шале в Швейцарии.

– Я не верю в существование тайных организаторов, – возразил Макнил, качая головой. – Все это выглядит вполне правдоподобным в книгах. Конечно, должен быть глава, но я не верю, что это преступный гений. Я бы сказал, что за всем этим стоит очень умный небольшой Совет директоров. Он группируется вокруг центра, у него есть председатель. Они добились успехов в своем деле, все время совершенствуют свои методы. Как бы там ни было...

– Да? – подбодрил его сэр Рональд.

– Даже в правильно организованной, спаянной команде, вероятно, есть те, кем можно пожертвовать. Я называю это «принципом русских саней». Время от времени, если они решают, что мы напали на их след и уже подошли слишком близко, они сбрасывают одного из них, того, которым, по их мнению, можно наиболее безболезненно пожертвовать.

– Неужели они осмеливаются это делать? Не слишком ли рискованно?

– Это можно сделать таким образом, что тот, кем жертвуют, даже не знает, что его столкнули с саней. Он будет думать, что выпал сам. Будет держать язык за зубами, поскольку решит, что ему стоит молчать. И это, конечно, правда. У них полно денег, чтобы заплатить ему, и они могут проявить щедрость. О его семье заботятся – если у него есть семья, – пока он сидит в тюрьме. Возможно, ему организуют побег.

– Такое случается слишком часто, – вставил Комсток.

– Я думаю, вы понимаете, – сказал сэр Рональд, – что обмениваться такими рассуждениями снова и снова почти бесполезно. Мы все время говорим почти одно и то же.

Макнил рассмеялся:

– Так для чего же мы вам понадобились, сэр?

– Ну... – сэр Рональд на мгновение задумался, – мы пришли к согласию по основным вопросам, – медленно произнес он. – Мы выработали основную стратегию и решили, что попытаемся сделать. Думаю, может быть полезным оглядеться вокруг в поисках мелочей, не имеющих особого значения, тех, что лишь слегка отличаются от обычных. Трудно объяснить, что я имею в виду, но это нечто, похожее на обстоятельства того дела Калвера несколько лет назад. Чернильное пятно. Помните? Чернильное пятно вокруг мышиной норки. Зачем кому-то понадобилось вылить бутылку чернил в мышиную нору? Это казалось неважным. А найти ответ было трудно. Но когда мы все-таки его нашли, он привел нас к разгадке. Вот о чем примерно я думаю. Странные вещи. Не поленитесь сообщить, если наткнетесь на что-то такое, что покажется вам несколько необычным. Мелким, если хотите, но раздражающим, потому что не вписывается в общую картину. Я вижу, что Папаша кивает...

– Я с вами полностью согласен, – сказал старший инспектор Дэйви. – Давайте, ребята, попытайтесь что-то вспомнить. Даже если это всего лишь человек, на голове у которого странная шляпа.

Никто сразу не откликнулся. На лицах у всех были написаны неуверенность и сомнение.

– Давайте, – произнес Папаша. – Я первым высуну голову. Это просто забавная история, правда, но вы сможете сами судить, чего она стоит. Ограбление банка «Метрополитан» в Лондоне. Отделение на Кармолли-стрит. Помните? Целый список номеров автомобилей, их цветов и моделей. Мы призвали очевидцев отозваться, и они отозвались – и как! Около ста пятидесяти случаев тупиковой информации! В конце концов мы отобрали примерно семь автомобилей, которые видели поблизости, и каждый из них мог принимать участие в ограблении.

– Да, – отозвался сэр Рональд, – продолжайте.

– Была там одна или две машины, принадлежность которых мы не смогли установить. Похоже, на них поменяли номера. В этом не было ничего необычного. Так делают часто. Большинство из них в конце концов удастся определить. Я приведу всего один пример. «Моррис Оксфорд», черный салон, номер «CMG 256»; о нем сообщил полицейский, надзирающий за условно освобожденными. Сказал, что за рулем был судья Ладгроув.

Он оглядел сидящих за столом людей. Его слушали, но не проявляли особого интереса.

– Я знаю, – сказал он, – это обычная ошибка. Мистер Ладгроув, судья, – довольно заметный старик; хотя бы потому, что он страшен, как смертный грех. Ну, это был не судья Ладгроув, потому что именно в это время он заседал в суде. Он действительно ездит на автомобиле марки «Моррис Оксфорд», но номер не CMG 256. – Он обвел взглядом присутствующих. – Ладно. Ладно. Вы скажете, что это не имеет значения. Но знаете, каков номер? CMG 265. Почти такой же, а? Именно такую ошибку делаешь, когда пытаешься запомнить номер машины.

– Простите, – сказал сэр Рональд, – я не вижу...

– Да, – согласился старший инспектор Дэйви, – здесь и видеть-то нечего, не так ли? Только номер очень похож на настоящий номер машины. 265 – 256, CMG. Странное совпадение, что там оказался автомобиль марки «Моррис Оксфорд» такого же цвета и с номером, отличающимся всего на одну цифру, и за его рулем сидел человек, очень похожий на владельца реального автомобиля.

– Вы имеете в виду...

– Разница всего в одной цифре. Современная «запланированная ошибка». Очень похоже на это.

– Простите, Дэйви, но я все-таки не понимаю.

– О, я думаю, понимать тут нечего. Есть автомобиль марки «Моррис Оксфорд», SMG 265, проехавший по улице через две с половиной минуты после ограбления банка. В водителе полицейский узнает судью Ладгроува.

– Вы хотите сказать, что это действительно был судья Ладгроув? Бросьте, Дэйви.

– Нет, я не хочу сказать, что это был судья Ладгроув и что он был замешан в ограблении банка. Он жил тогда в отеле «Бертрам» на Понд-стрит и именно в тот момент находился в зале суда. Все это доказано. Я хочу сказать, что номер автомобиля, его модель и его опознание полицейским инспектором, который хорошо знает старика Ладгроува в лицо, – совпадение, которое должно что-то означать. По-видимому, это не так. Очень жаль.

Комсток смущенно пошевелился.

– Был еще один случай вроде этого, в связи с ювелирным делом в Брайтоне. Какой-то старый адмирал... я забыл его имя. Одна женщина уверенно опознала его как человека, который был на месте преступления.

– А его там не было?

– Нет, он в тот день ночевал в Лондоне. Ездил на торжественный обед Военно-морских сил, по-моему.

– Он остановился в своем клубе?

– Нет, он жил в отеле – по-моему, в том самом, который вы только что назвали, Папаша; «Бертрам», да? Тихое место... Кажется, там любит останавливаться много старичья.

– Отель «Бертрам», – задумчиво повторил старший инспектор Дэйви.

Глава 5

I

Мисс Марпл проснулась рано, потому что всегда просыпалась рано. Ей очень понравилась кровать. Исключительно удобная.

Она семенящими шажками подошла к окну и раздвинула шторы, впустив немного бледного лондонского света. Однако пока не спешила выключить электрическое освещение. Ей отвели очень милый номер, вполне в традициях «Бертрама». Обои в розовый цветочек, большой, хорошо отполированный комод из красного дерева и такой же туалетный столик. Два стула с прямыми спинками и одно мягкое кресло с сиденьем удобной высоты. Дверь вела в смежную ванную комнату, современную, но покрытую плиткой в розочках, благодаря чему не производила впечатления кабинета для гигиенических процедур.

Мисс Марпл снова легла в постель, взбила подушки, бросила взгляд на часы: половина восьмого. Она взяла маленький молитвенник, который всегда сопровождал ее, и, как обычно, прочла полторы страницы, намеченные на сегодня. Потом она взяла свое вязание и принялась вязать, сначала медленно, так как ее ревматические пальцы сразу после пробуждения плохо ее слушались, но очень скоро они стали двигаться все быстрее, их болезненная скованность прошла.

– Еще один день, – отметила мисс Марпл, радуясь этому факту и испытывая обычное благодушное удовольствие. Еще один день – и кто знает, что он принесет?

Пожилая дама расслабилась и перестала вязать, мысли ее неторопливо текли в голове. Селина Хейзи... какой красивый сельский дом был у нее в Сент-Мэри-Мид, а теперь кто-то соорудил над ним эту уродливую зеленую крышу... Маффины... так много масла на них расходуется... но очень вкусные... И подумать только, здесь подают традиционный кекс с тмином! Она никак не ожидала, даже не надеялась, что все здесь будет таким же, как когда-то раньше... потому что, в конце концов, время не стоит на месте... А чтобы заставить его остановиться вот так, нужно было потратить очень много денег... В отеле совсем нет пластика! Наверное, это окупается. Все устаревшее в свое время возвращается и становится таким колоритным... Посмотрите, как сейчас люди хотят старые садовые розы и презирают чайно-гибридные!¹⁴ В этом отеле все не похоже на настоящее... Что ж, почему должно быть похоже? Прошло уже пятьдесят... нет, шестьдесят лет с тех пор, как она здесь останавливалась. И ей отель не кажется настоящим, потому что она теперь акклиматизировалась в текущем году от рождества Господа нашего... правда, все это открывает ряд очень интересных проблем... Атмосфера и люди... Мисс Марпл совсем отложила вязание.

– Закоулки, – вслух произнесла она. – Закоулки, я думаю... Ведь очень трудно найти...

Объясняется ли этим странное ощущение беспокойства, которое охватило ее вчера вечером? Ощущение, будто что-то не так...

Все эти пожилые люди и правда очень похожи на тех, которых она помнила с тех пор, как останавливалась здесь шестьдесят лет назад. Тогда они смотрелись естественно, но сейчас естественными не кажутся. Сегодняшние пожилые люди не похожи на тогдашних пожилых людей; они обрели беспокойный, раздраженный вид из-за домашних тревог, сражаться с

¹⁴ Чайно-гибридные розы появились в 1867 г., когда в сорте «Ля Франс» удалось добиться сочетания сочности красок, неоднократного цветения и стойкости. Это способствовало огромной популярности новой группы сортов: т. н. старые садовые розы, как правило, цветут однократно, а исключения вроде чайной розы слишком капризны для европейского климата.

которыми устали. Или носят по заседаниям разных комитетов и стараются казаться энергичными и компетентными, или красят волосы в синий с фиолетовым отливом, или носят парики, а их руки не такие, какими она их помнила, не тонкие и изящные: они огрубели от мытья посуды и стиральных порошков...

И поэтому – ну да, поэтому эти люди кажутся ненастоящими. Но дело в том, что они – настоящие. Селина Хейзи – настоящая. И тот довольно красивый старый военный в углу настоящий – она встречала его когда-то, хоть и не вспомнила его имя, – а епископ (милый Робби!) умер.

Мисс Марпл посмотрела на свои миниатюрные часы. Половина девятого. Пора завтракать.

Она изучила правила распорядка в отеле, напечатанные, кстати, прекрасным крупным шрифтом, так что не пришлось надевать очки.

Еду можно заказывать по телефону, связавшись с «обслуживанием в номерах», или можно нажать кнопку звонка с надписью «горничная».

Мисс Марпл сделала второе. Переговоры с «обслуживанием в номерах» всегда ее нервировали.

Все было сделано в лучшем виде. Не прошло и нескольких минут, как раздался стук в дверь и появилась просто замечательная горничная. Настоящая горничная, которая казалась ненастоящей в полосатом бледно-лиловом ситцевом платье и даже в чепце, в свежевystи-ранном чепце. Улыбчивое, розовое, положительно деревенское на вид лицо. (Где они находят таких людей?)

Мисс Марпл заказала завтрак: чай, яйца-пашот, свежие булочки. Горничная была такой опытной, что даже и не заикнулась об овсяных хлопьях или апельсиновом соке.

Через пять минут завтрак подали. Удобный поднос с большим пузатым заварочным чайником, жирным молоком и серебряным кувшином кипятка. Два прекрасных яйца-пашот на тосте, приготовленных по всем правилам, а вовсе не похожих на ядра в жестяных чашках, и большие кружочки масла с оттиснутым изображением чертополоха. Мармелад, мед и клубничный джем. Восхитительного вида булочки – не черствые, с напоминающей бумагу сердцевинкой, а пахнущие свежим хлебом (самый вкусный запах на свете!). И еще там лежали яблоко, груша и банан.

Мисс Марпл вонзила нож осторожно, но уверенно. Она не разочаровалась. Из яйца потек темно-желтого цвета густой желток. Идеальные яйца!

Вся еда была очень горячей. Настоящий завтрак. Она могла бы и сама такой приготовить, но ей не пришлось этого делать! Ей его принесли, словно... нет, не так, словно бы она королева, а словно она – пожилая леди, остановившаяся в хорошем, но чрезмерно дорогом отеле. Фактически – в том самом 1909 году. Мисс Марпл выразила свое восхищение горничной, которая с улыбкой ответила:

– О да, мадам, наш шеф-повар очень следит за качеством завтраков.

Мисс Марпл окинула ее оценивающим взглядом. Несомненно, отель «Бертрам» способен творить чудеса. Настоящая горничная. Пожилая дама суеверно уцепилась за левую руку.

– Вы здесь уже давно? – спросила она.

– Всего чуть больше трех лет, мадам.

– А до этого?

– Я работала в гостинице в Истборне. Очень современной, с новейшим оборудованием, но я предпочитаю такие старомодные отели, как этот.

Глотнув чаю, мисс Марпл поймала себя на том, что негромко напевает слова одной давно позабытой песенки:

О, где ты был всю мою жизнь...

Горничная выглядела несколько удивленной.

– Я просто вспоминала старую песню, – прошептала мисс Марпл извиняющимся тоном. – Когда-то она была очень популярной. – И она снова тихо запела: – «О, где ты был всю мою жизнь...» Может быть, вы ее знаете?

– Ну... – Лицо горничной приняло виноватое выражение.

– Слишком древняя для вас, – сказала мисс Марпл. – Ах, боже мой, невольно предаешься воспоминаниям в таком вот месте.

– Да, мадам, многие дамы, что живут у нас, чувствуют то же самое.

– Отчасти поэтому они и приезжают сюда, мне кажется, – ответила мисс Марпл.

Горничная ушла. Она явно привыкла к старым дамам, которые щебечут и предаются воспоминаниям.

Мисс Марпл закончила свой завтрак и встала с постели, наслаждаясь своей неторопливостью. У нее уже был готов план восхитительного утреннего похода по магазинам. Не слишком долгого похода, чтобы не утомиться. Сегодня, возможно, это будет Оксфорд-стрит. А завтра – Найтсбридж. Она с удовольствием строила планы на будущее.

Было около десяти часов, когда пожилая дама вышла из своего номера во всеоружии: шляпка, перчатки, зонтик – на всякий случай, хотя погода была прекрасной, – сумка, ее самая лучшая сумка для покупок...

Дверь через одну от нее дальше по коридору резко распахнулась, и из нее кто-то выглянул. Это была Бесс Седжвик. Она вернулась в комнату и захлопнула за собой дверь.

Спускаясь по лестнице, мисс Марпл размышляла. Ранним утром она предпочитала лестницу лифту. Спуск служил ей разминкой. Ее шаги становились все медленнее... потом она остановилась.

II

Когда полковник Ласкомб шел по коридору от своего номера, дверь на верхней площадке лестницы резко распахнулась, и леди Седжвик обратилась к нему:

– Наконец-то вы здесь! Я вас высматривала, хотела поймать. Где мы можем поговорить? Я имею в виду – поговорить, чтобы каждую секунду не наткаться на какую-нибудь старушеницу.

– Ну, Бесс, я даже и не знаю... наверное, в мезонине есть нечто вроде кабинета.

– Лучше зайдите сюда. Быстрее, пока горничная не заподозрила нас в чем-нибудь.

Довольно неохотно полковник Ласкомб переступил порог, и дверь за ним плотно закрылась.

– Я понятия не имел, что вы остановились здесь же, Бесс. Мне это и в голову не пришло.

– Я так и думала.

– То есть... Я бы никогда не привез сюда Эльвиру. Эльвира здесь, вы знаете?

– Да, я видела ее с вами вчера вечером.

– Но я действительно не знал, что вы живете здесь. Это место кажется мне совершенно неподходящим для вас.

– Не понимаю почему, – холодно ответила Бесс Седжвик. – Это по всем меркам самый комфортабельный отель в Лондоне. Почему бы мне здесь не остановиться?

– Вы должны верить, что я понятия не имел... Я хочу сказать...

Леди Седжвик посмотрела на него и рассмеялась. Она была одета на выход, в хорошо скроенном темном костюме и ярко-изумрудной блузке. Вид у нее был веселый и очень оживленный. Рядом с ней полковник Ласкомб казался старым и увядшим.

– Дорогой Дерек, не надо так волноваться. Я не обвиняю вас в том, что вы пытались организовать трогательную встречу матери с дочерью. Просто такое иногда случается, люди встречаются в неожиданных местах. Но вы должны увезти отсюда Эльвиру, Дерек. Вы должны увезти ее отсюда немедленно, сегодня же.

– О, она собирается уехать. То есть я привез ее сюда всего на пару дней. Сводить ее на постановку и тому подобное. Завтра она уедет к Мелфордам.

– Бедняжка, ей там будет скучно.

Ласкомб озабоченно посмотрел на нее:

– Вы думаете, ей будет очень скучно?

Бесс сжалась над ним.

– Может, и нет, после итальянского заточения. Возможно, она даже найдет, что там ужасно интересно.

Ласкомб собрал все свое мужество.

– Послушайте, Бесс, я был поражен, обнаружив вас здесь, но не думаете ли вы, что... Ну, знаете, что этому суждено было случиться. Я хочу сказать, что вам представилась возможность... я не думаю, что вы действительно знаете, что... что чувствует эта девочка.

– Что вы пытаетесь мне сказать, Дерек?

– Так ведь вы ее мать все-таки...

– Конечно, я ее мать. А она моя дочь. И что хорошего это дало нам обеим или даст когда-нибудь?

– Вы не можете знать этого наверняка. Мне кажется... она это чувствует.

– Что навело вас на эту мысль? – резко спросила Бесс Седжвик.

– Вчера она мне сказала кое-что. Она спросила, где вы и что делаете.

Женщина пересекла комнату и подошла к окну. Постояла там несколько секунд, постукивая пальцами по оконной раме.

– Вы такой милый, Дерек, – сказала она. – У вас такие хорошие идеи. Но они не работают, мой бедный ангел! И вы должны это признать. Они не работают, и они могут быть опасными.

– О, бросьте, Бесс. Опасными?

– Да, да, да. Опасными. Я – опасна. Я всегда была опасна.

– Когда я думаю о некоторых вещах, которые вы делали... – сказал полковник Ласкомб.

– Это мое личное дело, – возразила Бесс Седжвик. – Попадать в опасные ситуации стало для меня своего рода привычкой. Нет, не привычкой. Больше похоже на зависимость. Как от наркотика. Словно та сладкая маленькая доза героина для наркоманов, которую они должны часто получать, чтобы жизнь казалась им яркой и чтобы стоило жить. Ну, это ничего. Сама разберусь – или нет, как получится. Я никогда не принимала наркотики, я в них никогда не нуждалась. Опасность была моим наркотиком. Но люди, которые живут так, как я, могут стать источником беды для других людей. Ну же, не будьте упрямым старым ослом, Дерек. Держите девочку подальше от меня. Я не дам ей ничего хорошего. Только причиню вред. Если это возможно, даже не позволяйте ей узнать, что я остановилась в том же отеле. Позвоните Мелфордам и увезите ее туда сегодня же. Придумайте какое-нибудь оправдание, срочное дело...

Полковник Ласкомб поколебался, подергал себя за усы.

– Я думаю, вы совершаете ошибку, Бесс. – Он вздохнул. – Она спрашивала, где вы. Я ей сказал, что вы за границей.

– Что ж, я буду там через двенадцать часов, так что все складывается хорошо.

Она подошла к нему, поцеловала в подбородок, ловко повернула кругом, как будто они собирались играть в жмурки, открыла дверь, легонько подтолкнула и вытолкнула наружу. Когда дверь за полковником Ласкомбом закрылась, он заметил старую даму, выходящую из-за угла со стороны лестницы. Она бормотала себе под нос, роясь в сумочке:

– Господи, господи... Должно быть, оставила в номере. Боже мой...

Она прошла мимо полковника Ласкомба, по-видимому, почти не замечая его, но, когда он начал спускаться по лестнице, остановилась у двери в свой номер и пристально посмотрела ему вслед. Затем посмотрела на дверь Бесс Седжвик.

– Вот, значит, кого она ждала, – проговорила мисс Марпл. – Интересно, зачем...

III

Подкрепив силы завтраком, каноник Пеннифазер пересек гостиную в холле, не забыв сдать свой ключ администратору, распахнул дверные створки и аккуратно был водружен в такси швейцаром-ирландцем, которого поставили там именно для таких целей.

– Куда, сэр?

– Господи, – с внезапным отчаянием произнес каноник Пеннифазер. – Дайте вспомнить... куда же я направлялся?

Движение на Понд-стрит остановилось на несколько минут, пока каноник Пеннифазер и швейцар обсуждали этот запутанный вопрос.

В конце концов, на священника снизошло озарение, и шофер такси получил указание ехать к Британскому музею.

Швейцар остался на тротуаре с широкой улыбкой на лице и, поскольку больше никто не выходил, прошел чуть дальше вдоль фасада, тихонько насвистывая старую мелодию.

Одно из окон на первом этаже «Бертрама» распахнулось, но швейцар даже не повернул голову, пока оттуда внезапно не раздался чей-то голос:

– Значит, вот где ты оказался, в конце концов, Микки. Что занесло тебя в такое место? Он резко обернулся, пораженный, и уставился на обладательницу голоса.

Леди Седжвик высунула голову в открытое окно.

– Ты меня не узнаешь? – требовательно спросила она.

Лицо мужчины вдруг просветлело, он узнал.

– Будь я проклят, если это не малютка Бесси! Подумать только! Прошло столько лет... Малютка Бесси.

– Никто, кроме тебя, никогда не называл меня «Бесси». Это отвратительное имя. Что ты делал все эти годы?

– То одно, то другое, – сдержанно ответил Микки. – Об этом не сообщали в новостях, как о тебе. Я читаю о твоих подвигах в газетах время от времени.

Бесс Седжвик рассмеялась.

– Во всяком случае, я лучше сохранилась, чем ты, – сказала она. – Ты слишком много пьешь. Ты всегда много пил.

– Ты хорошо сохранилась, потому что всегда была при деньгах.

– Деньги не принесли бы тебе пользы. Ты бы пил еще больше и совсем опустился. Да, так и было бы! Что привело тебя сюда? Вот что я хочу знать. Как ты ухитрился устроиться в такое место?

– Мне была нужна работа. И у меня есть вот это... – Он прикоснулся к ряду медалей на груди.

– Да, понимаю. – Она стала задумчивой. – И подлинные к тому же, да?

– Конечно, подлинные. Почему бы им не быть подлинными?

– О, я тебе верю. Ты всегда был смелым. Всегда был хорошим бойцом. Да, армия тебе подошла. В этом я уверена.

– В армии всё в порядке во время войны, но ничего хорошего в мирное время.

– Значит, ты этим занялся. Я понятия не имела... – Она замолчала.

– О чем ты понятия не имела, Бесси?

– Ни о чем. Странно снова видеть тебя столько лет спустя.

– Я-то не забыл, – сказал мужчина. – Я тебя никогда не забывал, малютка Бесси. Ах! Какой ты была красивой девочкой! Красивой, хрупкой девочкой...

– Чертовски глупой девочкой, вот кем я была, – заметила леди Седжвик.

– Это правда. В тебе было мало здравого смысла. Иначе ты не связалась бы со мной... Как ловко ты управлялась с лошады! Помнишь ту кобылу... как ее звали... Молли О’Флинн? Она была злой чертовкой, это точно.

– Ты единственный мог на ней скакать, – сказала леди Седжвик.

– Она бы меня сбросила, если б смогла! Когда она поняла, что не сможет, она сдалась. Ах, какой была красавицей... Но если говорить об умении держаться в седле, то в тех краях ни одна леди не делала это лучше тебя. У тебя была красивая посадка, красивые руки... И никакого страха, ни минуты! Так оно и пошло с тех пор, насколько я могу судить. Самолеты, гоночные автомобили...

Бесс Седжвик рассмеялась.

– Мне надо идти дописывать письма.

Она отошла от окна. Микки прислонился к ограждению.

– Я не забыл Баллиговлан, – многозначительно произнес он. – Иногда я подумывал написать тебе...

– И что ты хочешь этим сказать, Мик Горман? – раздался резкий голос Бесс Седжвик.

– Я просто сказал, что не забыл... ничего не забыл. Я просто... вроде как напомнил тебе.

В голосе Бесс Седжвик по-прежнему звучали резкие ноты.

– Если ты хочешь сказать то, что я думаю, я дам тебе один совет. Если попытаешься устроить неприятности, я прикончу тебя так же легко, как прикончила бы крысу. Мне уже приходилось убивать людей...

– Может быть, за границей...

– За границей или здесь – мне все равно.

– Боже правый, я верю, что ты так и сделаешь! – В его голосе послышалось восхищение. – В Баллиговлане...

– В Баллиговлане, – перебила она, – тебе заплатили за то, чтобы ты держал язык за зубами, и хорошо заплатили. Ты взял деньги. Больше ты от меня ничего не получишь, поэтому даже не думай об этом.

– Это была бы славная романтическая история для воскресных газет...

– Ты слышал, что я сказала.

– Ладно, – рассмеялся он, – я это несерьезно, просто пошутил. Я бы никогда не сделал ничего такого, что повредило бы моей малютке Бесси. Буду держать язык за зубами.

– Постарайся, – сказала леди Седжвик.

Она закрыла окно и, опустив взгляд на письменный стол перед собой, уставилась на незаконченное письмо. Взяла его в руки, посмотрела на него, скомкала и швырнула в корзину для бумаг. Затем внезапно встала с места и вышла из комнаты. Она даже не окинула взглядом комнату перед тем, как ушла.

Маленькие кабинеты в отеле «Бертрам» часто создавали впечатление, что в них никого нет, даже если это не так. Два хорошо оборудованных письменных стола стояли в оконных проемах, на столике справа лежали несколько журналов, а слева разместили два кресла с очень высокими спинками, обращенные к камину. Они служили излюбленным местом отдыха во второй половине дня для пожилых военных или морских офицеров, они погружались в эти кресла и счастливо засыпали до самого чая. Любой из тех, кто приходил сюда написать письмо, обычно их даже не замечал. Утром эти кресла не пользовались большим спросом.

Тем не менее случилось так, что именно в то утро оба они оказались заняты. В одном сидела старая дама, а в другом – молодая девушка. Последняя поднялась. Несколько мгновений она стояла, нерешительно глядя на дверь, в которую вышла леди Седжвик, потом медленно двинулась к ней. Лицо Эльвиры Блейк было смертельно бледным.

Прошло еще пять минут, прежде чем старая дама шевельнулась. Затем мисс Марпл решила, что небольшой отдых, который она всегда устраивала себе после того, как одевалась и спускалась вниз, продолжался достаточно времени. Пора бы выйти из отеля и насладиться радостями Лондона. Возможно, она пройдет пешком до самой Пиккадилли и доедет на автобусе номер 9 до Хай-стрит в Кенсингтоне; или, может быть, она пройдет по Бонд-стрит и доедет до универмага «Маршалл энд Снелгроувз» на двадцать пятом автобусе; или можно поехать на двадцать пятом номере в другую сторону, и, насколько она помнила, он довезет ее до универмага «Арми энд нейви сторз». Выходя на улицу, она смаковала про себя эти детали. Швейцар-ирландец, вернувшийся на место, все решил за нее.

– Вам понадобится такси, мадам, – твердо заявил он.

– Я так не думаю, – ответила мисс Марпл. – Полагаю, здесь недалеко останавливается двадцать пятый автобус, на котором я могла бы поехать, или на номере два от Парк-лейн.

– Вам не нужен автобус, – твердо возразил швейцар. – Очень опасно запрыгивать в автобус, будучи в летах. Они так резко трогаются с места и останавливаются, снова и снова... Можно упасть от рывков. В наши дни у парней за рулем просто нет сердца. Я свистну и вызову вам такси, и вы доедете куда угодно, как королева.

Мисс Марпл обдумала это и сдалась.

– Очень хорошо, – сказала она, – наверное, я действительно лучше возьму такси.

Швейцару даже не пришлось свистеть. Он просто щелкнул пальцами, и такси явилось как по волшебству. Мисс Марпл со всей заботливостью усадили в него, и она ни с того ни с сего решила поехать в универмаг «Робинсон энд Кливерз» и взглянуть на великолепный выбор настоящих льняных простынь. Пожилая дама с удовольствием сидела в такси и чувствовала себя действительно королевой, как и пообещал ей швейцар. Ее мысли были полны приятного предвкушения льняных простынь, льняных наволочек и правильных кухонных полотенец, без изображений бананов, инжира, собачек на задних лапах и других отвлекающих картинок, которые раздражают, когда моешь посуду.

IV

Леди Седжвик подошла к стойке администратора.

– Мистер Хамфрис у себя в офисе?

– Да, леди Седжвик. – Мисс Гориндж выглядела изумленной.

Бесс прошла за стойку, постучала в дверь и вошла, не дождавшись ответа.

Мистер Хамфрис поднял изумленный взгляд.

– Что...

– Кто нанял этого человека, Майкла Гормана?

Мистер Хамфрис несколько бессвязно заговорил:

– Парфитт ушел – месяц назад он попал в дорожную аварию. Нам нужно было быстро найти ему замену. Этот человек оказался подходящим. Рекомендации в полном порядке – бывший военный, довольно хороший послужной список; может быть, не очень умен, но иногда это даже к лучшему... Вы о нем ничего плохого не знаете, так ведь?

– Достаточно, чтобы не желать его присутствия здесь.

– Если вы настаиваете, – медленно произнес Хамфрис, – мы объявим ему об увольнении...

– Нет, – медленно ответила леди Седжвик. – Нет, уже слишком поздно... Неважно.

Глава 6

I

– Эльвира!

– Привет, Бриджит.

Достопочтенная¹⁵ Эльвира Блейк вошла в парадную дверь дома номер 180 на Онслоу-сквер, которую открыла ее подруга Бриджит. Она смотрела в окно, ожидая ее появления, и поспешно спустилась, чтобы открыть ей дверь.

– Пойдем наверх, – сказала Эльвира.

– Да, лучше подняться. Иначе нас мама поймает.

Девушки побежали вверх по лестнице, и таким образом им удалось избежать встречи с матерью Бриджит, которая вышла из спальни на лестничную площадку слишком поздно.

– Тебе очень повезло, что у тебя нет матери, – сказала Бриджит, запыхавшись, после того как привела подругу в свою спальню и плотно закрыла дверь. – То есть моя мамочка очень милая и все такое, но она все время задает вопросы! С утра до вечера. «Куда ты идешь, кого ты встретила? И не являются ли они родственниками каких-то там людей с такой же фамилией в Йоркшире?» Я хочу сказать, все это такие пустые разговоры...

– Наверное, им больше не о чем думать, – уклончиво заметила Эльвира. – Послушай, Бриджит, мне нужно сделать нечто ужасно важное, и ты должна мне помочь.

– Что ж, я помогу, если смогу. В чем дело – в мужчине?

– Нет, не в мужчине, по правде говоря. – Бриджит казалась разочарованной. – Мне нужно съездить в Ирландию на сутки, возможно, больше, и ты должна меня прикрыть.

– В Ирландию? Зачем?

– Я тебе сейчас не могу рассказать всего. Нет времени. Я должна встретиться с моим опекуном, полковником Ласкомбом, за ланчем в «Прюнье» в половине второго.

– Как ты избавилась от Карпентер?

– Я сбежала от нее в магазине «Дебенхэмз».

Бриджит захихикала.

– А после ланча меня отвезут к Мелфордам. У них я буду жить до того момента, когда мне исполнится двадцать один год.

– Какой кошмар!

– Думаю, я справлюсь. Кузину Милдред страшно легко обмануть. Договорились, что я буду ездить на занятия и тому подобное. Есть такое место под названием «Современный мир». Они возят тебя на лекции, в музеи, в картинные галереи, и в Палату лордов, и тому подобные места. Все дело в том, что никто не узнает, там ли ты, где должна находиться, или нет! Нам многое удастся проверить.

– Надеюсь, что удастся. – Бриджит захихикала. – Удавалось же в Италии, правда? Старуха итальянка воображала себя такой строгой... Ей было невдомек, *что* мы проворачивали, когда хотели.

Девушки рассмеялись, с удовольствием вспоминая удачные проделки.

– Но все же надо было многое спланировать, – сказала Эльвира.

– И великолепно врать, – прибавила Бриджит. – Ты что-нибудь получила от Гвидо?

¹⁵ Обращение, на которое в Великобритании имеют право в том числе дети знати.

– О да, он написал мне длинное письмо, подписанное «Джиневра», будто это пишет моя подруга. Но я бы хотела, чтобы ты перестала так много болтать, Бриджит. У нас масса дел и всего полтора часа времени на все. Первым делом послушай. Я завтра еду на прием к дантисту. Это просто уладить: можно отменить визит по телефону, и ты сделаешь это отсюда. Потом, около полудня, позвонишь Мелфордам, притворишься своей матерью и объяснишь, что дантист хочет снова видеть меня на следующий день и поэтому я останусь у тебя ночевать.

– Это должно получиться. Они будут благодарить за нашу доброту и любезность. А что, если ты не вернешься на следующий день?

– Тогда тебе придется сделать еще несколько звонков.

На лице Бриджит отразилось сомнение.

– У нас будет полно времени что-нибудь придумать до этого, – нетерпеливо сказала Эльвира. – Меня сейчас беспокоят деньги. Наверное, у тебя нет денег? – Эльвира произнесла это почти без всякой надежды.

– Всего около двух фунтов.

– Это плохо. Мне придется купить билет на самолет. Я посмотрела рейсы. Лететь около двух часов. Многое зависит от того, сколько времени у меня уйдет, когда я туда доберусь.

– Ты можешь сказать, что собираешься делать?

– Нет, не могу. Но это ужасно, ужасно важно.

Голос Эльвиры так изменился, что Бриджит посмотрела на нее с некоторым удивлением.

– Случилось что-то серьезное, Эльвира?

– Да, случилось.

– И об этом никто не должен знать?

– Да, это дело такого рода. Оно совсем-совсем секретное. Мне нужно кое-что выяснить: правда это или нет. Как досадно, что нет денег... С ума можно сойти; я ведь очень богата, в конце концов. Мне сказал это опекун. Но мне дают только жалкие крохи на одежду. И эти деньги заканчиваются, едва я их успеваю получить.

– А твой опекун, полковник Как-его-там, не может одолжить тебе денег?

– Ничего не выйдет. Он начнет задавать массу вопросов, захочет знать, для чего они мне нужны.

– О боже, да, наверное, захочет... Понять не могу, почему все хотят задавать так много вопросов. Знаешь, если мне кто-то звонит, мама обязательно спрашивает: «Кто это?» А ведь это ее совершенно не касается!

Эльвира согласилась с ней, но ее мысли уже были заняты другим.

– Ты когда-нибудь сдавала в ломбард какую-нибудь вещь, Бриджит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.